

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (63)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Татауров С.Ф.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644023
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, Омск, 644077
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОХОДА ДОМОЖИРОВА В 1595 г. НА МОГИЛЬНИКЕ НАДЕЖДИНКА IV В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Погребения могильника Надеждинка IV наглядно демонстрируют ситуацию в Тарском Прииртышье, когда местное население, спустя значительный промежуток времени после ухода русского отряда в Тару, посетило Тунусский городок и похоронило его защитников. Сохранив основные черты погребального обряда, татары не смогли полностью обустроить погребальные камеры и поставить в могилы необходимый инвентарь. Были собраны предметы, оставленные на месте боя: наконечники стрел, кельты и другие мелкие предметы. После этого визита татары покинули эти места, нет никаких свидетельств более поздних похорон и на могильнике. Следствием походов тарских воевод в конце XVI в. стало присоединение к Русскому государству значительных земель вплоть до устья р. Оми и на восток до ее среднего течения. Но малочисленность русских отрядов и немногочисленность инородцев не позволили им удержать эти владения после переселения калмыков в начале XVII в., и им пришлось отступить почти до Тары. Лишь во второй половине XVII в. русские смогли вернуть себе эту территорию. Но Тарское Прииртышье сумели сохранить, как и сохранить в подданстве государства часть сибирских татар. О событиях весны 1595 г. осталась память в развалинах Тунусского городка и захоронениях на мысе р. Тары.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Москва, русские, Тунусский городок, освоение.

Введение

В 2003–2006 гг. экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН были проведены исследования в Муромцевском районе Омской области на комплексе памятников на правом притоке Тары р. Нижней Тунгуске — городище Надеждинка VII (Тунусский городок) и могильнике Надеждинка IV (рис. 1, 1–3). И если исследования на городище отражены в нескольких публикациях [Татауров, 2005; Матвеев, Татауров, 2014], то о могильнике было написано всего несколько строк. В этой работе я попробую закрыть эту лакуну и показать, как материалы захоронений отражают судьбу защитников городка и татарского населения Тарского Прииртышья в конце XVI в. в целом.

Основанием для исследований стала грамота царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и ногайцах от 15 августа 1595 г. [Миллер, 1999, с. 362–363]. В этом документе достаточно подробно изложены детали одного из походов тарских военачальников, в том числе взятие Тунусского городка. После основания города тарские воеводы стали исполнять основной наказ государя — «истеснить хана Кучума», для чего совершили ряд военных походов вверх по Иртышу и по р. Таре. Некоторые из инородцев уже присягали русским, но под влиянием хана Кучума отошли от России. Весной 1595 г. (17 марта) из города Тары на покорение татар выступил отряд под руководством Бориса Доможирова и Своитина Рупосова — «детей боярских, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служилых юртовских и волостных татар, Тобольских и Тюменских, и Тарских 483 человека. В городке укрылось 40 татарских семей, при подходе русских татары сделали вылазку, в результате которой 17 татар погибло, большинство остальных разбежалось, а возглавлявший их мурза Чангула и с ним пять человек были взяты в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать татарам впредь находить здесь убежище» [Миллер, 1999, с. 362].

Целью исследований было проверить имеющуюся информацию и подтвердить достоверность вышеизложенных событий. Проведенные работы позволили не только детально воспроизвести события весны 1595 г., но и воссоздать облик городка на момент осады, а также найти могильник, где были захоронены его защитники.

Материалы и методы

Проведенные на городище раскопки практически полностью подтвердили информацию в грамоте. Весь комплекс сгорел, в слое углей были собраны несколько человеческих костей, что

Археологические свидетельства похода Доможирова в 1595 г. на могильнике Надеждинка IV...

свидетельствует о том, что защитники перед пожаром не были погребены. В сгоревших жилищах в очагах стояли горшки с пищей, т.е. приход русского отряда был достаточно внезапным для его обитателей. По всей оборонительной линии и перед ней были зафиксированы железные и костяные наконечники стрел, что говорит о серьезных боевых действиях. Часть наконечников очень примитивны: когда кончились запасы стрел, татары изготавливали их из подручных костей — в основном из ребер животных. После сожжения городка из его защитников никто на это место не вернулся: под полом одного из жилищ были спрятаны кузнечные инструменты, которые так никто и не забрал. Следов дальнейшей деятельности на месте городища также не зафиксировано: больше здесь никто не жил.

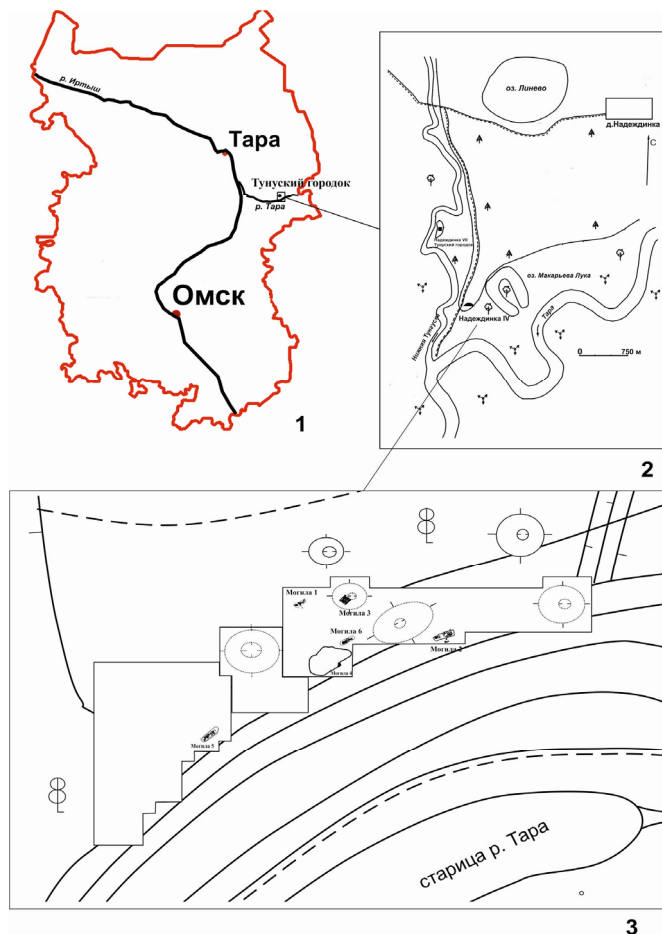

Рис. 1. Схема расположения памятников городища Надеждинка VII (Тунусский городок) и могильника Надеждинка IV:

1 — карта области и район исследований; 2 — схема взаиморасположения городка и могильника;
3 — схема могильника Надеждинка IV.

Fig. 1. The layout of the settlement Nadezhdinka VII (Tunusky town) and the burial ground of Nadezhdinka IV:
1 — map of the region and the research area; 2 — the scheme of the mutual location of the town and the burial ground;
3 — scheme of the Nadezhdinka IV burial ground.

Ниже по течению на мысу схождения террас Тары и Нижней Тунуски был исследован могильник Надеждинка IV (рис. 1, 3). Расстояние от городища до могильника составляет около 1,5 км. Памятник насчитывает 28 насыпей округлой формы диаметром 7–13 м, высотой 0,3–0,8 м. На курганах отмечены грабительские ямы. На основании сопроводительного инвентаря в могилах в западной части памятника его датировка была определена X–XII вв. Могильник исследовался сплошным раскопом вместе с межкурганном пространством, в результате чего выяснилось, что в восточной части некрополя было совершено 6 грунтовых захоронений, которые связаны с событиями на Тунусском городке в 1595 г. Все они, за исключением могилы 3, грунтовые, совершены в межкурганном пространстве и ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. В этой работе я приведу материалы 6 погребений, которые содержат прямые аналогии с материалами городища.

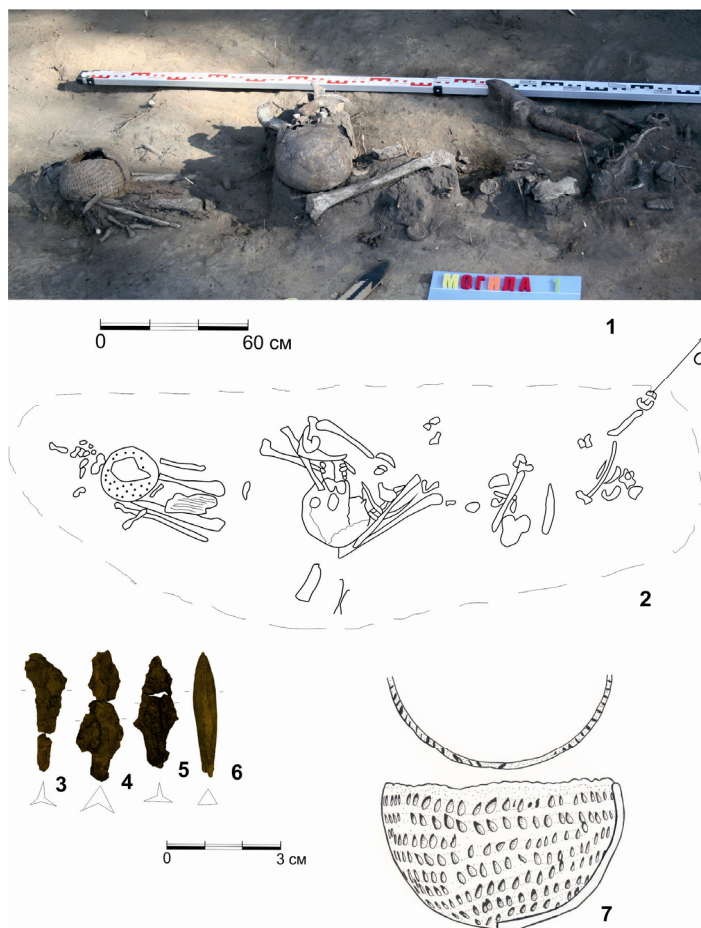

Рис. 2. Могила 1:

1, 2 — вид и план могилы; 3–6 — наконечники стрел (3–5 — железо, 6 — кость; 7 — сосуд).

Fig. 2. Grave 1:

1, 2 — type and plan of grave; 3–6 — arrowheads (3–5 — iron, 6 — bone; 7 — vessel).

Могила 1 (рис. 2, 1, 2) была зафиксирована на уровне материка, в 0,3 м от современной дневной поверхности. Как таковой могильной ямы не было, останки по обряду труположения были сложены после снятия дернового слоя и затем им же укрыты. Кости расположены в не-анатомическом порядке, представлены кости рук, черепа, фаланг пальцев и лопаток. Череп находился затылочной частью кверху. Челюсть вывернута. В анатомическом порядке сохранились только кости голеней и ступней. Судя по ним, могила была ориентирована по линии запад — восток, с отклонением к северо-востоку на 10–15°, головой на восток. Возраст погребенного — 30 лет (определения сотрудника ИПОС СО РАН А. Антонова). На ступнях погребенного находился небольшой сосуд, поставленный дном кверху. По всему сосуду идет орнамент треугольными ямочками, расположенными по окружности сосуда (рис. 2, 7). Рядом с горшком находился костяной наконечник стрелы, трехгранный, черешковидный, длиной 5 см (рис. 2, 6). Под сосудом были найдены три трехгранных черешковых железных наконечника стрел длиной 4–5 см (рис. 2, 3–5). Анализ положения костей позволил сделать вывод, что погребены останки тела мужчины, умершего некоторое время назад, вследствие чего труп частично разложился и в таком виде был перенесен и помещен в могилу. Перемещение было осуществлено при помощи ткани или какой-то другой мягкой волокуши, на которой кости и поместили на приготовленную площадку. Этим объясняется то, что, кроме ног, кости сложены как бы горкой, а сверху находился череп.

Могила 2 (рис. 3, 1, 2). Второе захоронение было ориентировано по линии запад — восток с отклонением к северо-востоку, головой на восток. Захоронение производилось по обряду труположения, вытянуто на спине. Могильная яма, судя по уцелевшей части, была углублена в материк на 7–8 см. В анатомическом порядке сохранились голени и ступни. Остальные кости скелета образовывали собой овал в восточной части могилы, несколько костей находились за

Археологические свидетельства похода Доможирова в 1595 г. на могильнике Надеждинка IV...

пределами ямы, как выпавшие при перемещении в могилу. В затылочной части черепа было зафиксировано округлое отверстие диаметром около 3 см. В могиле в районе стоп был поставлен венчиком кверху круглодонный сосуд, орнаментированный семечковидными вдавлениями по всей поверхности (рис. 3, 3). В ногах погребенного с правой стороны находился костяной предмет, возможно навершие посоха (рис. 3, 6). Имеет сквозное отверстие, по форме напоминает усеченный конус. Под сосуд были положены железный нож с одной заточкой длиной 12 см (рис. 3, 4) и железный кельт (рис. 3, 5).

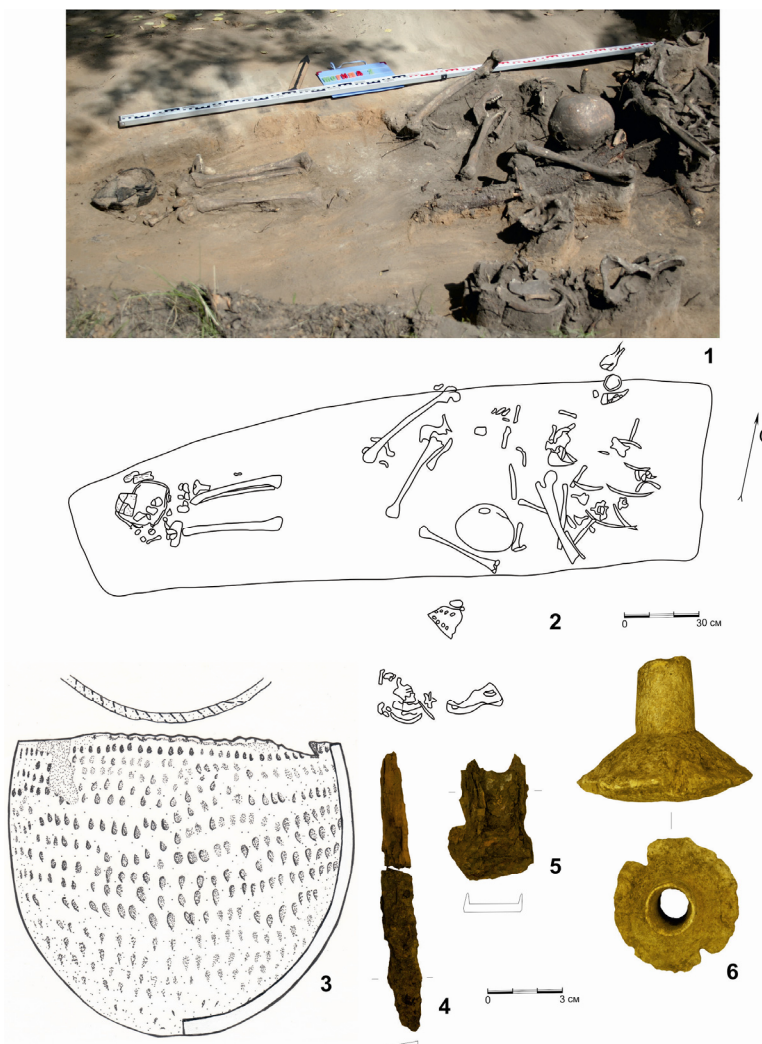

Рис. 3. Могила 2:

1, 2 — вид и план могилы; 3 — сосуд; 4 — нож; 5 — кельт; 6 — навершие посоха (?). (4, 5 — железо, 6 — кость).

Fig. 3. Grave 2:

1, 2 — view and plan of the grave; 3 — vessel; 4 — knife; 5 — celt; 6 — the pommel of the staff (?). (4, 5 — iron, 6 — bone).

Могила 3 (рис. 4) была подхоронением в один из средневековых курганов. Курган был ограблен в более раннее время, и могильщики расширили грабительскую яму, вновь углубив ее до уровня дневной поверхности: она не доходила до уровня материка на 15–20 см. Курган был вторично ограблен уже после совершения вторичного погребения, поэтому от могилы уцелела только западная часть, где были ноги погребенного. Могильное сооружение представляло собой деревянную конструкцию в виде рамы из тесаных плах (рис. 4, 1–5). Стенки были сделаны из плах шириной 15 см, толщиной 7 см, которые были в углах «в чашу» с небольшими, до 5 см выпусками. Перекрытие состояло из шести плах шириной от 14 до 25 см, толщиной 5–7 см. После снятия перекрытия по расположению ног выяснилось, что погребение ориентировано головой на северо-восток. Вся деревянная конструкция и кости скелета сильно обожжены.

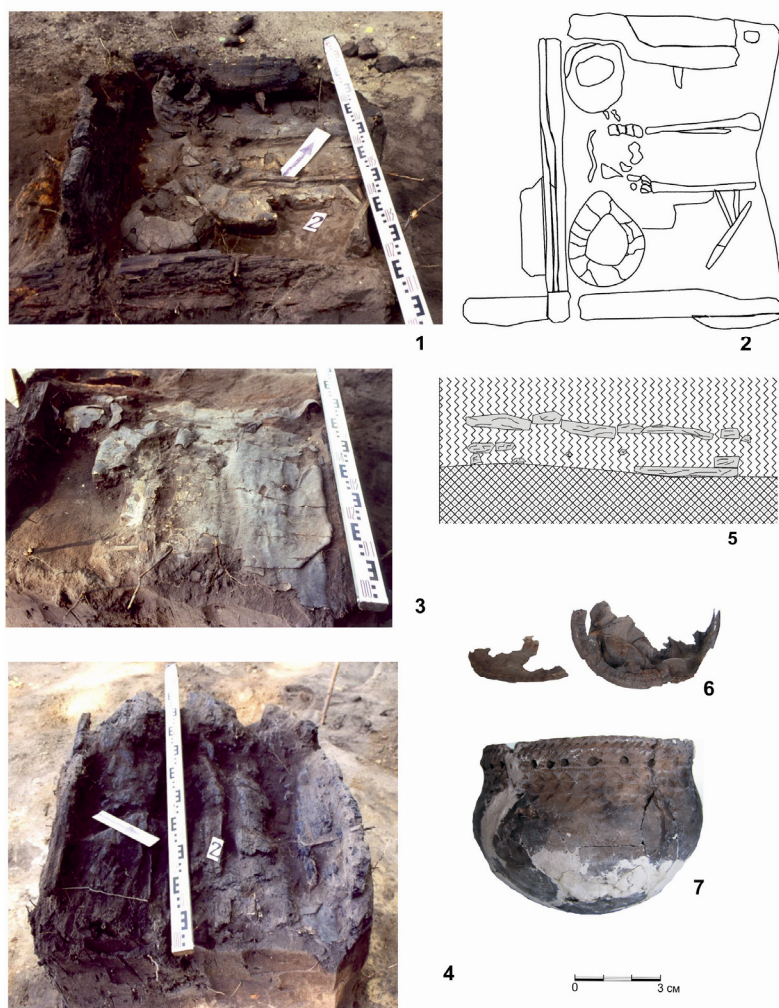

Рис. 4. Могила 3:

1, 2 — вид и план могилы; 3 — берестяная подстилка на дне могилы; 4 — нижнее основание конструкции;
5 — разрез конструкции; 6 — фрагменты туюска; 7 — сосуд.

Fig. 4. Grave 3:

1, 2 — view and plan of the grave; 3 — birch bark litter at the bottom of the grave; 4 — the lower base of the structure;
5 — section of the structure; 6 — fragments of a tuesque; 7 — vessel.

В ногах погребенного находились перевернутые горшок (рис. 4, 7) и туюсок (рис. 4, 6). Сосуд орнаментирован по краю венчика двумя рядами косо поставленного гребенчатого штампа, под ними ряд ямок и еще ниже два ряда фигурного треугольного штампа. Орнамент нанесен небрежно. Сосуд очень близок к посуде городка. Под сосудом после снятия обнаружилась берестяная крышка, которая плотно охватывала его край (венчик) и плотно закрывала его. Туюсок имеет диаметр 16 см, высоту около 25 см. Дно туюска соединено со стенками аккуратным швом.

После снятия костяка обнажилась берестяная подкладка (рис. 4, 3), которая закрывала почти всю поверхность. Береста состоит из целого куска, свернутого в два ряда. После снятия бересты обнажилась нижняя часть деревянной конструкции, представлявшая собой две широкие — до 25 см и тонкие — 2 см плашки.

Могила 4 (рис. 5) сильно пострадала в ходе современной хозяйственной деятельности: огромная яма разрушила большую часть могилы. Уцелел только юго-восточный угол захоронения, в дополнение ко всему и эта часть захоронения сильно нарушена корнями березы (рис. 5, 1, 2). Могильное сооружение представляет собой деревянную раму, ориентированную по линии ЮЗЗ—СВВ. Рама состоит из трех венцов, диаметр бревен 11–12 см. Все обожжены. Рама срублена «в чашу». Размер паза: ширина 11 см, глубина 3 см. Поверху рама перекрыта досками шириной 10–13 см, толщиной 1–3 см. Доски сильно обгорели и плохо сохранились. По зафиксирован-

Археологические свидетельства похода Доможирова в 1595 г. на могильнике Надеждинка IV...

ным остаткам рамы можем сделать реконструкцию ее углового соединения. В первом венце паз выражен меньше, причем короткие торцевые бревна (11 см) и длинные боковые представлены колотыми жердями шириной 8, толщиной 3 см. Паз в нижнем бревне шириной 8 см, глубиной 4 см, бревно почти перерублено, осталось всего 3 см. Рама сильно обожжена, но под костями прокала нет. Сама могила в восточной части полностью закрыта углями, остатками плах перекрытия, фрагментами бересты. В западной части обнаружена кучка костей, рассыпанных ровным слоем (рис. 5, 3). Кости лежали вперемешку. Фрагмент бедренной кости соседствует с ребрами, фрагментами верхней челюсти и окологлазничным куском черепа. Все кости имеют следы температурного воздействия, некоторые кальцинированы. После снятия верхнего слоя костей были зафиксированы фрагменты черепа, плечевой кости. В заполнении могилы встречены фрагменты позднебронзовой керамики и обломок трехгранного костяного наконечника стрелы. После снятия костей проявилась берестяная прокладка из больших листов бересты, уложенных поперек рамы. После ее снятия под прокладкой зафиксировано еще небольшое количество обожженных человеческих костей, поэтому сложно определить, перекрывала береста захоронение или кости были насыпаны на нее. На основе анализа костей можно сделать вывод, что это скопление собрано на городке и захоронено, т.е. представляет собой погребение останков одного из защитников городка, поэтому в скоплении присутствует позднебронзовая керамика, которая есть на памятнике, и обломок наконечника стрелы.

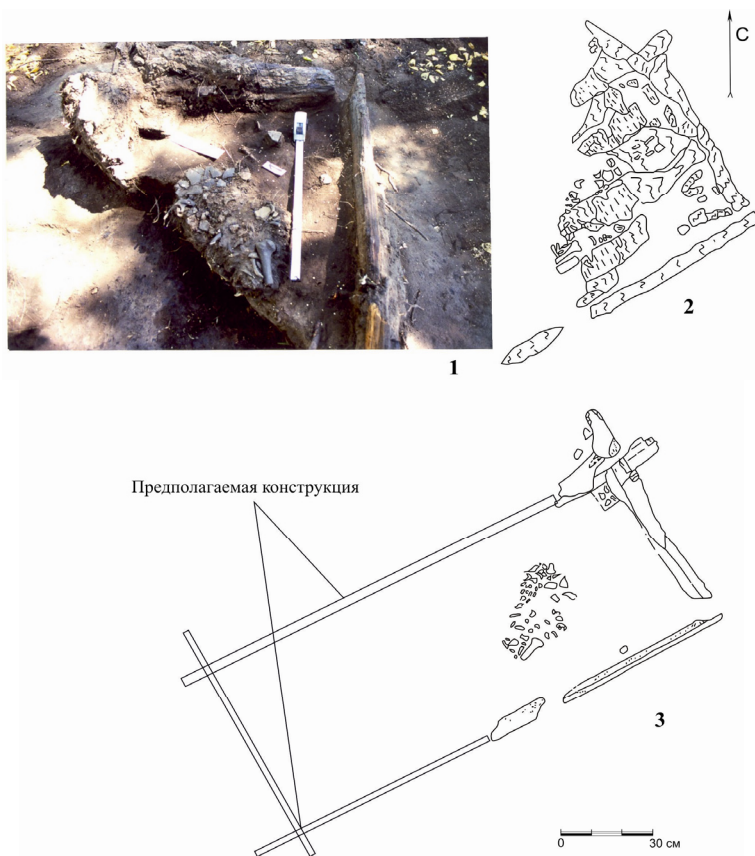

Рис. 5. Могила 4:

1, 2 — вид и план могилы; 3 — план могилы после снятия берестяного перекрытия.

Fig. 5. Grave 4:

1, 2 — view and plan of the grave; 3 — the plan of the grave after removing the birch bark overlap.

Могила 5 была зафиксирована на уровне материка с ориентацией юго-запад — северо-восток, головой на северо-восток. Захоронение мужчины 40 лет. Кости скелета были частично смещены и перемешаны. В верхней части погребения были перемешаны реберные кости и кости позвоночника. Положение рук описать невозможно вследствие отсутствия костей. Тазовые кости были сдвинуты. Кости ног также перемешаны. Череп погребенного лежал в ногах, глазницами на север. Нижняя челюсть лежала под бедренной костью правой ноги. Находок не было.

Могила 6 была зафиксирована в виде пятна на уровне материка и ориентирована по линии юго-запад — северо-восток, головой на юго-запад. При выборке пятна образовалась яма подпрямоугольной формы. Ее длина 270 см, ширина в головах 50–55 см, в ногах — 65–70 см. Захоронение мужчины 40 лет. Умерший был уложен вытянуто, на спину. Руки были уложены вдоль тела, лучевые кости рук лежали под костями таза. Череп находился на коленях, он лежал на теменной части, глазницами на СЗ. В целом, скелет лежал в анатомическом порядке. На бедренных костях были следы огня, следы огня наблюдались и на затылочной части черепа. Большая берцовая кость правой ноги лежала на уровне тазовых костей. Сопроводительный инвентарь в погребении отсутствовал. Ориентация могильной ямы такая же, как в предыдущих случаях, но костяк лежал в другую сторону. Погребение включено в этот список на основании ориентации ямы, следов огня в погребальном обряде, нарушений в антропологической целостности скелета.

В ходе раскопок и изучения погребений первоначальной была версия о том, что останки специально перемешали. Такой обряд зафиксирован в Тарском Прииртышье [Корусенко, Герасимов, 2016]. Но более детальный анализ погребений привел к выводу, что останки захоронили уже после определенного периода времени, в течение которого они находились на месте смерти в городке. Погребения совершены практически на дневной поверхности или после снятия дерна — вероятнее всего, хоронили в конце апреля — начале мая, т.е. спустя месяц или больше после произошедших событий. В это время года в этой местности может оттаять только дерновый слой. Умершие пострадали в результате пожара городка: на костях отмечены следы воздействия высоких температур, а погребение 4 вообще представляет собой останки полностью сгоревшего человека. Несмотря на экстремальные условия погребений, определенные предписания погребального обряда были соблюдены. Могилы были ориентированы с небольшими вариациями по линии юго-запад — северо-восток, головой на северо-восток. В двух случаях зафиксированы деревянные конструкции в виде срубов из колотых бревен и плах. Срубы сохраняются у татар Тарского Прииртышья и в настоящее время. Но на этом могильнике мы зафиксировали скорее срубы-ящички, только позднее надмогильные сооружения приобретут большую высоту и пирамидальность. Для конца XVI в. характерны более плотные и невысокие конструкции — очень похожие сооружения зафиксировал М.П. Грязнов при раскопках могильника Тоянов городок в Томском Приобье: курганы 29, 32, 43 [МАЭ ОмГУ. Фонд М.П. Грязнова]. Так же как и деревянные надмогильные конструкции на более поздних могильниках на р. Таре, срубы несут следы огня: после погребения их поджигали и затем забрасывали землей [Корусенко, 2003, с. 47]. Наличие сосудов в трех могилах для памятников нижнего течения Тары зафиксировано впервые, в отличие от Средней Тары, где исследованы подобные погребения с такой же посудой и таким же местом расположения ее в могиле [Молодин и др., 2012, с. 21, 28]. Собранный в погребениях инвентарь — железные и костяные наконечники стрел, кельты и ножи — очень близок к коллекции городка. Люди, забравшие на городке останки и похоронившие их, взяли с собой и немногие уцелевшие вещи, не собранные русским отрядом. Характерна в этом плане могила 1, где наконечники стрел были сложены под перевернутый сосуд. Обычно стрелы кладут рядом с умершим — слева или справа, но в этом случае после пожара уцелели только наконечники. Керамика в могилах идентична найденной на городке, в том числе сосуд из могилы 3, орнаментированный крупным фигурным штампом. Я уже неоднократно останавливался на описании круглодонных сосудов, полностью орнаментированных глубоким подтреугольным гребенчатым или гладким штампом. Именно эта посуда является определенным маркером тюркоязычного населения Сибирского ханства [Матвеев, Татауров, 2011, 2013; Татауров, 2013].

Результаты исследования и обсуждение

Материалы Тунусского городка и могильника Надеждинка IV вместе с представленным Г.Ф. Миллером документом о походе тарского отряда и его взятии позволяют несколько прояснить ситуацию на Среднем Иртыше в конце XVI в. Тарское Прииртышье в это время стало одним из основных районов сопротивления хана Кучума русским отрядам. Населяющие эту территорию аялыньские татары фигурируют практически во всех военных столкновениях по Иртышу. Хан и его приближенные укрепляли имеющиеся поселения и строили временные городки [Миллер, 1999, с. 288]. Из этого становится понятным направление одного из первых походов тарских воевод — на р. Тару и далее в Барабу: необходимо было лишить местных татар укрепленных пунктов и тем самым возможности сопротивления. Практически все татарские городки — Безымянное I и III, Ананьинское городище, Кошкуль IV и др. — были ликвидированы. В некоторых случаях татар возвращали на место постоянного проживания, но в этом походе повеначальники действовали предельно жестко. Из расположенных населенных пунктов Тунусской волости в конце XVI в. исчезли юрты Сыч-

Археологические свидетельства похода Доможирова в 1595 г. на могильнике Надеждинка IV...

кановы, Сабунтеевы, Калмак, Бакисяковы, Тогашевы, Чиркасовы. Уцелели только Черталинские юрты на левом берегу Тары. Для этого времени русским отрядам необходимо было занять максимальное количество земель к югу и юго-востоку от г. Тары. Воеводы не считались с потерями местного населения: «После взятия и сожжения городка вся местность как этой (Тунусской), так и соседней волости Любы была отдана на разграбление. Это окончательно сломило сопротивление татар. Обе волости шертовали в верности и обещали платить ясак в город Тару. Страх перед русскими распространился на соседние местности... и заставил волость Тураш и волость Кирпики добровольно сдаться» [Миллер, 1999, с. 290]. В результате русские заняли земли до широты устья правого притока Иртыша Оми, но начавшееся с востока переселение в Западную Сибирь калмыков в итоге вынудило русских оставить эти земли и отойти практически до стен Тары. Аялыньские татары еще неоднократно восставали против русской администрации, кульминацией событий стали два штурма Тары осенью 1634 г., когда они вместе с калмыками почти взяли город. В первой половине XVII в. значительная часть татар покинула Прииртышье, уйдя на свою историческую родину в Южное Зауралье [Татауров, 2017].

Представленные в работе материалы могильника Надеждинка IV хорошо показывают ситуацию на рубеже русских земель в Западной Сибири в конце XVI в. С одной стороны, это было серьезное давление русских отрядов, занявших значительные территории лесостепной зоны, а с другой — отсутствовало достаточное количество местного населения и русских переселенцев, чтобы создать определенные точки развития и защиты этих районов. В результате выполнение этой задачи оказалось перенесено на вторую половину XVII в., когда тарские воеводы стали ставить остроги южнее и восточнее Тары.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 22-28-20179 «Тара и Тарский уезд на западносибирском фронтире Российского государства в XVI–XVIII вв.: история и археология», <https://rscf.ru/project/22-28-20179/>, и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Следы ритуального вторжения в курганных насыпях могильника Черталы в Тарском Прииртышье // Вестник ТГУ. История. 2016. 5 (43). С. 29–32.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Керамика — археологический маркер сибирских татар XVI–XVIII вв. // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума. Омск: Наука, 2011. Вып. 6. С. 52–56.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: Появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 1. С. 127–134.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Города и городки Сибирского ханства // История татар с древнейших времен. Казань: Фолиант, 2014. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. С. 391–405.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Москва: «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Поздняков Д.В., Соловьев А.И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН: НГУ, 2012. 162 с.

Татауров С.Ф. Тунус — последний город Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных сообществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: ТГУ, 2005. С. 210–212.

Татауров С.Ф. Керамика тюркоязычного населения Западной Сибири XII–XVI веков: От поиска к стандарту // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск: Наука, 2013. С. 212–217.

Татауров С.Ф. Аялыньские татары, или о чем говорят деревья // Вестник ОмГУ. Сер. Ист. науки. 2017. № 3 (15). С. 168–175.

ИСТОЧНИКИ

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Фонд М.П. Грязнова. Дело «Тояновская культура».

Tataurov S.F.

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, prosp. K. Marksa, 15/1, Omsk, 644023, Russian Federation
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, prosp. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation

Archaeological evidence for Domozhurov's campaign of 1595 at the Nadezhdinka IV burial ground in the Tara-Irtysh basin

The study deals with the events that took place in the forest-steppe zone of Western Siberia, in the Tara-Irtysh basin, in the spring of 1595, associated with the campaign of the Tara detachment led by B. Domozhurov to the middle reaches of the

Tara River and to the Baraba forest-steppe. During this campaign, the fortress of Tunus was taken by storm. The aim of the work is to trace, with the example of the burials of the Nadezhdinka IV burial ground, the fate of the defenders of the town and, in general, of the Tatar population living in the Tara-Irtysh basin. The capture of the fortress is described in detail in the memorandum report of the Tara vaivode. The archaeological investigations confirmed the information of the written source. The article is based on the materials from the Nadezhdinka IV burial ground excavated by the author in 2004–2006. In particular, a series of graves were investigated, in which the defenders transferred from the fortress were buried. The analysis of the burials allows the reconstruction of individual elements of the funeral rite, and exposition of the accompanying grave goods. The result of the study was the assessment of the situation developed at the end of the 16th c. in the Irtysh basin and the reasons for the retreat of the Russians to the north to the fortress of Tara. In the result of this campaign, Tatar settlements of this volost were plundered and this region of the Tara basin was appreciably depopulated. By the end of the 16th c., the Russians occupied the lands up to the river Om from its mouth to the middle course. However, the migration of the Kalmyks from the east to Western Siberia forced the Russians to abandon this territory and retreat essentially down to Tara. The reason for that was the lack of human resources both in the town of Tara as well as in the local population. Only towards the end of the 17th c. the Russians began to move southwards — this was the price of the cruel treatment of the Siberian Tatars in the spring of 1595. The burnt fortress of Tunus and the graves of its defenders at the Nadezhdinka IV burial ground have become a testimony of the ill-thought policy of the Tara vaivodes. The local Tatars, after waiting a certain time following the departure of the Tara detachment, visited the fortress and buried the remains of the defenders on the cliff of the Tara River. After that, most of them left the Irtysh basin and went to their historical homeland in the Southern Trans-Urals.

Keywords: Western Siberia, Moscow, Russians, Tunusky town, development.

Funding. The research was carried out within the framework of the Russian National Science Foundation Grant No. 28-20179 “Tara and the Tarsky District on the West Siberian frontier of the Russian state in the XVI–XVIII centuries: history and archeology”, and a grant in the form of a subsidy provided from the budget of the .Omsk region.

REFERENCES

Korusenko, M.A. (2003). *The funeral rite of the Turkic population of the lower reaches of the river Tara in the XVII–XX centuries: Experience in structure and content analysis*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Korusenko, M.A., Gerasimov, Yu.V. (2016). Traces of a ritual invasion in the burial mounds of the Chertala burial ground in the Tara Irtysh region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 43(5), 29–32. (Rus.).

Matveyev, A.V., Tataurov, S.F. (2011). Ceramics — an archaeological marker of the Siberian Tatars of the 16th–18th centuries. In: *Pamyatniki arkheologii i khudozhestvennoye tvorchestvo: Materialy osennego kollokviuma*. Vyp. 6. Omsk: Nauka, 52–56. (Rus.).

Matveyev, A.V., Tataurov, S.F. (2013) “Tatar ceramics” of Western Siberia: The emergence and evolution of the term. In: N. Tomilov (Ed.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. T. 1*. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 127–134. (Rus.).

Matveyev, A.V., Tataurov, S.F. (2014). Cities and towns of the Siberian Khanate. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen. T. IV*. Kazan: Foliant, 391–405. (Rus.).

Miller, G.F. (1999). *History of Siberia*. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN. (Rus.).

Molodin, V.I., Novikov, A.V., Pozdnyakov, D.V., Solovyev, A.I. (2012). *Late medieval complexes on Lake Kryuchnoe (Middle Tara)*. Novosibirsk: In-t arkheologii i etnografii SO RAN: NGU. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2005). Tunus — the last city of the Siberian Khanate. In: *Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh soobshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii*. Tomsk: Tomskiy un-t, 210–212. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2013). Pottery of the Turkic-speaking population of Western Siberia in the 12th–16th centuries: From search to standard. In: *Tvorchestvo v arkheologicheskoy i etnograficheskoy izmerenii*. Omsk: Nauka, 212–217. (Rus.).

Tataurov, S.F. (2017). Ayalyn Tatars, or what the trees say. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskiye nauki*, 15(3), 168–175. (Rus.).

Татауров С.Ф., <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

Сведения об авторе:

Татауров Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, доцент, зав. сектором Омского филиала, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск.

About the author:

Tataurov Sergey F., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.03.2023

Article is published: 15.12.2023